



Горбовская С. Г. Признаки литературы «новой искренности» в романе Ванессы Диффенбах «Язык цветов» / С. Г. Горбовская // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 2. — С. 188—202. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-188-202.

Gorbovskaia, S. G. (2023). Signs of ‘New Sincerity’ Literature in Vanessa Dieffenbach’s Novel “The Language of Flowers”. *Nauchnyi dialog*, 12 (2): 188-202. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-188-202. (In Russ.).



Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-188-202

**Признаки литературы
«новой искренности»
в романе
Ванессы Диффенбах
«Язык цветов»**

Горбовская Светлана Глебовна
orcid.org/0000-0003-4077-1769
доктор филологических наук,
доцент кафедры французского языка
vard_05@mail.ru

Санкт-Петербургский
государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

**Signs of ‘New Sincerity’
Literature
in Vanessa Dieffenbach’s
Novel
“The Language of Flowers”**

Svetlana G. Gorbovskaia
orcid.org/0000-0003-4077-1769
Doctor of Philology, Associate Professor,
French Language Department
vard_05@mail.ru

St. Petersburg State University
(St. Petersburg, Russia)

© Горбовская С. Г., 2023



ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается тема «новой искренности» в литературе на материале романа американской писательницы Ванессы Диффенбах «Язык цветов», изданного в 2011 году. Актуальность исследования заключается в остром интересе литературоведов в XXI веке к вопросам «новой искренности» и флоропоэтики. Показано, что в романе Диффенбах данные темы раскрываются через реконструкцию старинной светской традиции и литературного жанра «языка цветов». Автором статьи прослеживается история становления литературы «новой искренности» в конце XX — начале XXI веков. На примере романа В. Диффенбах выявляются признаки литературы «новой искренности» в тех фрагментах, которые связаны с «языком цветов» (как цветочной коммуникацией между героями), ботанической темой и воссозданием героиней романа истории забытого литературного жанра XIX века с соответствующим названием. Установлено, что в прошлом «язык цветов» был необходим, чтобы завуалировать свои чувства, а в настоящем, когда людям не хватает живого общения, он помогает им раскрыться. В заключении автор статьи указывает черты, которые характеризуют роман В. Диффенбах как литературу «новой искренности». Среди них эмоциональность текста, поиск новых средств взаимодействия людей, обращение к христианским ценностям и традиции «языка цветов», которая помогает людям в общении друг с другом.

Ключевые слова:

Ванесса Диффенбах; язык цветов; новая искренность; цветочная почта; флирт цветов; неоромантизм; метамодернизм.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The theme of ‘new sincerity’ in literature is considered on the material of the novel “The Language of Flowers” by the American writer Vanessa Dieffenbach, published in 2011. The relevance of the study lies in the keen interest of literary scholars in the 21st century to the issues of ‘new sincerity’ and florpoetics. It is shown that in Dieffenbach modern novel, these themes are revealed through the reconstruction of the ancient secular tradition and the literary genre “language of flowers”. The author of the article traces the history of the formation of ‘new sincerity’ literature at the end of the XX — early XXI centuries. On the example of V. Dieffenbach’s novel, signs of ‘new sincerity’ literature are revealed in fragments of the novel related to the “language of flowers” (as floral communication between heroes), the botanical theme and the recreation of the novel heroines of the forgotten literary genre history of the 19th century with the corresponding name. It has been established that in the past the “language of flowers” was necessary to veil one’s feelings, and in the present, when people lack live communication, it helps to open up. In the conclusion, the author of the article points out the features that characterize V. Dieffenbach’s novel as the literature of ‘new sincerity’. Among them are the emotionality of the text, the search for new means of communication between people, the appeal to Christian values and the tradition of the “language of flowers”, which helps people communicate with each other.

Key words:

Vanessa Dieffenbach; language of flowers; new sincerity; flower mail; flirting flowers; neo-romanticism; metamodernism.



Признаки литературы «новой искренности» в романе Ванессы Диффенбах «Язык цветов»

© Горбовская С. Г., 2023

1. Введение = Introduction

Понятие «новая искренность» появляется в 1990—2000-х годах в процессе анализа творчества американского писателя Дэвида Фостера Уоллеса (первые исследователи: Адам Келли, Иен Уильямс, Алексей Поляринов, Джеймс Вуд). Одной из самых первых работ на данную тему считается эссе Адама Келли «Дэвид Фостер Уоллес и новая искренность в американской литературе» в сборнике эссе под редакцией Дэвида Херинга «Рассмотрим Дэвида Фостера Уоллеса» (2010). Высказывания самого Д. Ф. Уоллеса о литературе ближайшего будущего, на которую он надеется, тоже отражают идею «новой искренности». Он пишет о том, что предвидит появления писателей, которые не побоятся показаться сегодняшнему читателю старомодными, неактуальными; поднимут старые темы: доброты, эмпатии, любви; будут сентиментальными, искренними, чувственными, даже романтическими. «Следующими литературными “бунтарями” вполне может стать странная кучка анти-бунтарей ... которые осмелятся отойти от ироничного взгляда ... поддержать и реализовать принципы однозначности. Осмелятся обратиться к обычным, давнишним, немодным проблемам ... Они рискуют быть обвинёнными в сентиментальности, мелодрамности. В чрезмерной доверчивости. В мягкости ...» [Wallace, 1993, с. 193]. «Новая искренняя» литература, в свою очередь, вписывается в тенденцию последних лет, которую исследователи [Dumitrescu, 2016; Аккер и др., 2019] именуют метамодернизмом (литература 1990—2020-х годов).

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом для работы в теоретической части послужили труды отечественных и зарубежных ученых, посвященные вопросам литературы «новой искренности», современного «неоромантизма», а также метамодернизма как большой «зонтичной» (по аналогии с постпостмодернизмом — определение философа А. В. Павлова [Павлов, 2018]) тенденции в современной философии, культуре, искусстве и литературе. Кроме того, источником послужили работы, исследующие вопрос «языка цветов» в литературе XIX века.

Цель исследования состоит в выявлении идейно-художественного своеобразия литературы «новой искренности» на примере указанного романа



В. Диффенбах, не привлекавшего еще пристального внимания литературоведов. Анализ тематики, сюжетно-композиционных и психологических особенностей романа позволит глубже понять феномен становления и развития «новой искренности» в литературе. В работе используются культурно-исторический, описательный, историко-сопоставительный и аналитический методы исследования.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Творчество Ванессы Диффенбах в русле литературных тенденций последних десятилетий

В 2011 году американская писательница Ванесса Диффенбах (1978 г. р.) издала книгу «Язык цветов» («The language of flowers», 2011) [Диффенбах, 2019; Diffenbaugh, 2011]. Книга вскоре стала бестселлером и была переведена на 42 языка мира. В России первый перевод Юлии Змеевой появился в 2019 году.

Творчество В. Диффенбах, на наш взгляд, гармонично вписывается в общий поток литературы «новой искренности». Британо-американский литературовед Дж. Вуд (J. Wood) обозначил экспрессивную манеру письма (которая представлена в полной мере и в произведении Диффенбах) термином «истерический реализм» [Wood, 2000] (Вуд его применил по поводу творчества З. Смит и ее романа «Белые зубы», 2000). Это, по определению самой З. Смит, соединение «мозга и сердца» («brain and heart») [Smith, 2007]. Подобная литература допускает крайне эмоциональное описание чувств героев, некоторые монологи передаются методом «потока сознания», допускается крайний натурализм. Но, самое главное, все передается с особой искренностью. Большую роль играют открытые положительные и отрицательные эмоции: сопереживание, эмпатия и любовь, которая нередко приходит на смену открытой ненависти. Главный посыл подобной литературы — преодоление страха коммуникации.

В. Диффенбах активно применяет научную терминологию, чтобы приглушить излишний идеализм и романтизм повествования. Дж. Вуд именуется подобный метод письма у Д. Ф. Уоллеса и З. Смит «научным постмодернизмом» [Wood, 2000], у Диффенбах можно констатировать, на наш взгляд, методологию, так сказать, «научного метамодернизма», потому что данный роман, написанный позже произведений Д. Ф. Уоллеса (1990-е) и З. Смит (2000-е), бесспорно представляет собой соединение самых разных признаков данного течения: стремления к искренности, романтизму, идеализации любовных и семейных отношений, реконструкции старых традиций, большого нарратива, возрождения контакта между людьми и многих других признаков, о которых пишут в последние десятилетия исследовате-



ли метамодернизма [Аккер и др., 2019]. Особенно близка к подобной интерпретации метамодернизма А. Думитреску: «пересмотр и переопределение: невинности, защиты невинных и бесправных, сочувствия, эмпатии, альтруистической любви, прощения старых обид, уважения различий» [Dumitrescu, 2016].

Кроме того, роман В. Диффенбах относится к произведениям, где используются так называемые литературные «машины времени», или метод реконструкции. Для создания произведения она изучает старинную книгу с забытой в наше время традицией «языка цветов» и воссоздает эту традицию. Тот же метод применяет, например, Э. Гилберт в романе «Путешествие во времени. Кулинарная книга моей прабабушки» («At Home on the Range», 2012), речь идет о кулинарной книге, изданной прабабушкой Э. Гилберт Поттер Маргарет Ярдли в 1947 году. В книге Э. Гилберт воссоздается дух старых традиций: соединение семьи за праздничным столом, старые песни, старинные рецепты и т. д.

3.2. Забытая традиция «языка цветов»

В. Диффенбах заимствовала идею романа «Язык цветов» из конкретной книги, которую нашла на чердаке своего дома. Это небольшое произведение Генриетты Дюмон «Язык цветов: знак преданности и уважения» («The language of flowers. The floral offering: a token of affection and esteem», 1851) [Dumont, 1851]. Подобных сочинений в XIX веке издавалось очень много. Это классический «салам», или «язык цветов», вспомогательное пособие по цветочной переписке или шифровке. С помощью таких книг люди в XIX веке вели тайную переписку. Традицию эту давно (по мнению В. Диффенбах) забыли. Помнят о подобном «языке цветов» только узкие специалисты из университетских кругов. В. Диффенбах перечисляет тех, кто ей помог в этом вопросе: Стивена Зедорса из салона «Брэтл сквер флорист» и Лачезара Николова из Гарвардского университета [Диффенбах, 2019, с. 310]. Через мотив забытого общения на языке скрытых чувств В. Диффенбах репрезентирует одну из главных проблем нашего времени — сложность коммуникации между людьми.

В книге В. Диффенбах речь идет о разных видах «языка цветов»:

— о языке цветов главной героини Виктории (который она сама для себя придумала, «Словарь Виктории» представлен в конце романа);

— о языке, на котором без слов общаются Виктория, Грант, Элизабет и Рената; это язык чувств, эмоций, язык для контакта между героями, посвященными в знание ботаники и в широко известные значения цветов;

— о книгах, издававшихся под названием «Язык цветов» в XIX веке, которые Виктория заказывает в библиотеке Сан-Франциско, и они же встречаются в домашней коллекции Гранта;

— о картотеке фотографий цветов, по которым Виктория составляет эмоциональные букеты для своих клиентов; это уже «букеты волшебства», которые делают других людей счастливее.

3.3. «Словарь Виктории»

Первый из выделенных вариантов «языка цветов» — тайный язык Виктории. Словарь с расшифровкой В. Диффенбах прилагает в конце романа. Данный язык Виктория придумывает для самой себя: «... высматривая цветочный магазин на Маркет-стрит, я листала воображаемый справочник ... букетик бархатцев — печаль; ведро чертополоха — мизантропия; щепотка сушеного базилика — ненависть» [Диффенбах, 2019, с. 12].

Виктория — крайне закрытый человек, выпускница спецучреждения для трудных подростков, круглая сирота. Общение с миром ей дается с трудом, она агрессивна и подозрительна. Единственное, что озаряет ее жизнь, это цветы. В возрасте девяти лет она попала на ферму к Элизабет (одной из ее приемных матерей), которая научила девочку премудростям садоводства и ботаники, а также посвятила в подробности старинного «языка цветов» на примере произведений В. Шекспира. С Элизабет Виктории пришлось расстаться. Она вернулась в приют и покинула его, лишь достигнув совершеннолетия. Знания же, полученные от Элизабет, остались с Викторией навсегда и послужили основой для ее «словаря значений цветов».

«Язык цветов» Виктории можно сопоставить с внутренним языком или шифром, на котором ребенок с аутизмом говорит с самим собой в выдуманном, скрытом от посторонних глаз мире. Она общается с растениями, жизнь воспринимает через «язык цветов», а с людьми общего языка не находит, относится к ним с предубеждением и опаской.

Из-за неспособности идти на контакт с окружающими Виктория оказывается на улице и живет в зарослях вереска и цветов. Собственно, только с цветами, деревьями, кустарниками она и общается после выхода из приюта. В. Диффенбах через мотивы разговора с цветами и неспособности Виктории коммуницировать в живом контакте демонстрирует проблему понимания людьми друг друга в современном мире.

Виктория все же преодолевает коммуникационный барьер. Перед ней стоит нелегкий выбор: либо умереть от голода, либо все же попробовать взаимодействовать с окружающими. Она находит общий язык с женщиной-флористкой по имени Рената, владелицей цветочной лавки под названием «Бутон». Виктория общается с Ренатой, а потом и с ее клиентами через язык цветов, собирая «говорящие букеты» для клиентов магазина. При этом девушка использует свой внутренний язык цветов, то есть постепенно вытесняет его изнутри и дарит окружающим. Букеты начинают оказывать «волшебное» воздействие. Они улучшают отношения между

людьми. Рената, видя, что клиенты все чаще приходят в «Бутон» именно из-за Виктории, оставляет ее у себя помощницей.

Вскоре на цветочном оптовом рынке Виктория встречает молодого человека, который в нее влюбляется. Это Грант — сын сестры Элизабет (ее бывшей приемной матери). С ним Виктория тоже находит общий язык через цветы. И уже он посвящает ее в литературный, старинный язык цветов викторианской эпохи. В его доме очень много книг романтической поэзии и энциклопедий языка цветов. Цветы помогают Виктории постепенно привыкнуть к Гранту и полюбить его.

С точки зрения выявления признаков «новой искренности» (по Д. Ф. Уоллесу и А. Думитреску) «словарь языка цветов» Виктории становится своего рода вспомогательным средством для осуществления коммуникации, проявления собственной эмпатии и поиска эмпатии в других.

3.4. Цветы как язык чувств и эмоций в произведении Диффенбах

Растительно-цветочный «селам», на котором общаются между собой Виктория, Грант, Рената и Элизабет, относится ко второй из выделенных выше категорий «языка цветов». Этот язык — смесь из сведений о морфологических и химических свойствах растений (форма, цвет, запах, лекарственные свойства, вкус и т. д.), их традиционных символических значениях, а также их семантике в общеизвестных литературных произведениях (в основном речь идет о В. Шекспире и Г. Стайн). То есть это своего рода «язык для посвященных», знающих ботанику и цветоводство, а также знание о писателях, которые придавали особое значение цветам. Кроме того, это «мертвый язык» (как древнегреческий или латынь). Виктория отмечает: «Элизабет говорила, что язык цветов когда-то знали все, и меня поражало, что в наши дни это знание практически утрачено» [Диффенбах, 2019, с. 80].

Вот пример «цветочного» разговора между Викторией и Элизабет: «Кактус, сказала она, означает страстную любовь ... Я безнормально замотала головой, но Элизабет напомнила мне о том, что объяснила в саду, — у каждого цветка только одно значение. Тогда я схватила рюкзак и бросилась к двери, но Элизабет подошла сзади и ткнула меня букетом. “Не хочешь узнать, каков мой ответ?” — спросила она. Развернувшись, я уткнулась в крошечные пурпурные лепестки. Гелиотроп. Непокоримая чувств. Даже не переведа дыхание, я выпалила яростным шепотом: “Кактус обозначает, что я тебя ненавижу! И хлопнула дверью ей в лицо”» [Там же, с. 82].

Немое общение через цветы происходит также между Викторией и Грантом. Он пишет ей в записке «тополь белый». Она долго думает над значением этого растения, затем отправляется в библиотеку, ищет в справочниках символов, но долго ничего не находит. «Я боялась узнать, что означает ответ незнакомца, что он хотел сказать. Через двадцать минут по-



исков я наконец обнаружила то, что искала ... Тополь белый. Время. Я вздохнула, чувствуя облегчение ...» [Там же, с. 81].

Роман В. Диффенбах написан с явной отсылкой к роману Джерома Сэлинджера «Над пропастью во ржи» — со всеми его особенностями, передающими внутренний монолог психологически травмированного подростка. Крайнюю детскую психологическую травмированность Виктории демонстрирует еще один ее «цветочный диалог» с Грантом: «Рододендрон, — требовательным голосом спросила я, как когда-то Элизабет. — Предупреждение. — Омела? — Преодоление всех препятствий. — Львиный зев? — Вероятность. — Тополь белый? — Время. — Чертополох обыкновенный? — Мизантропия» [Там же, с. 90]. Виктория, как и герой Сэлинджера, тоже постоянно убегает от всех, хочет скрыться. В то же время повествование заканчивается ее выбором вернуться к семье, которую она обретает благодаря рождению дочери.

Люди, которые еще недавно были Виктории почти чужими, становятся родными по крови благодаря появлению ребенка. В. Диффенбах и этот факт соединяет с флоросимволикой, ибо момент зачатия ребенка сопровождается сосредоточением на розовом кусте и подсчитыванием розовых бутонов, которое напоминает перебирание бусин на четках при чтении молитвы. Данный образ может быть связан с фигурой Девы Марии и рождением Христа, поскольку Дева Мария в средневековых литургиях, иконологиях сопоставлялась то с розой, то с розовым кустом. Так куст будто благословляет Викторию.

Христианский вопрос играет важную роль в романе В. Диффенбах, как и во многих других произведениях «новой искренности» (особенно у Э.-Э. Шмитта, Д. Ф. Уоллиса, А. Смит, Э. Гилберт, Дж. Евгенидиса). Значимым в этом отношении эпизодом становится сцена, когда скрывающаяся от Гранта беременная Виктория видит его в окне, молящегося перед расцветшим кустом вербены, который, безусловно, является двойником куста роз (символизирующим распятие или Деву Марию с младенцем Иисусом). Сам того не зная, Грант словно передает Виктории послание через ведомый лишь им двоим язык цветов: вербена — это розы. Виктория понимает, что молится Грант за нее и за их ребенка.

Виктория на протяжении всего повествования сопоставляет себя с розой, обращаясь к цитате из стихотворения Гертруды Стайн «Священная Эмилия»: «Роза есть роза есть роза есть роза». Однако стоит отметить, что ее обращение к этой фразе далеко от знаменитого постмодернистского высказывания У. Эко о том, что роза «до того насыщена смыслами, что смысла у нее почти нет» [Эко, 2007, с. 5]. Диффенбах явно пытается опровергнуть этот тезис и наделяет розу новым смыслом: ее обращение к розе, как и



к другим цветам, это поиск и желание вернуть былую теплоту отношений, любовь, нежность — все то, чего так не хватает современному человеку. Кроме того, это обращение связано еще и с поисками поддержки в вечных христианских ценностях. Фраза Г. Стайн в интерпретации Диффенбах в какой-то степени является и репликой из пьесы В. Шекспира «Ромео и Джульетта»: «Что значит имя? Роза пахнет розой, хоть розой назови ее, хоть нет» [Шекспир, 1968, с. 698]. То есть роза — это архетип, вечность, а не роза сама по себе. И если Дева Мария — роза, то и Виктория — одна из тех, кто повторяет вечный библейский сюжет, то есть становится на какой-то период Девой с младенцем, — тоже является розой.

Общение через цветы складывается и в отношениях Виктории и с Ренатой. Флористка понимает, что Виктория — необычная девушка, с ней сложно контактировать. Чтобы они могли привыкнуть друг к другу и понимать друг друга, женщина говорит с Викторией при помощи растений. Это тоже молчаливая реляционность — либо через демонстрацию растений, либо через называние цветов. «Я протянула ей букет. Что это? — спросила она. Опыт, — ответила я, вручая ей цветы» [Диффенбах, 2019, с. 38].

Ярче всего цветочная азбука Виктории и Ренаты проявляется в сценах на цветочном рынке. Рената подбирает цветы для свадебных букетов. Виктория сопоставляет ее дотошный осмотр с пролистыванием книги: «Рената выбирала подсолнухи, словно листала книжные страницы» [Там же, с. 40]. Каждый цветок в букете подбирается согласно определенной семантике, информацию о которой Рената находит в специальной книге. Виктория же не желает смотреть в эту книгу. Она подбирает цветы для новобрачных согласно своему собственному словарю значений цветов, внутреннему словарю (в этом проявляется ее остаточная замкнутость).

3.5. «Язык цветов» в XIX веке

Третьей разновидностью «языка цветов» являются специальные книги со значениями растений. В. Диффенбах отмечает, что литературная традиция «языка цветов» в XIX веке невероятно разнообразна. Действительно, в XIX веке издавалось множество книг под названием «Язык цветов». Подобные произведения можно разделить на три большие категории:

— язык цветов как шифр, служащий в общении между людьми для сообщения об эмоциях, а также цветочная почта, обычно это глоссарии: цветок и его значение; нередко подобный справочник снабжен рисунками цветов; чтобы использовать в общении такой шифр, адресату нужно было знать, из какой именно книги или словаря взят посланный цветок или букет (или же название цветка в письме), именно там нужно было искать значение;

— сонеты, мадригалы, сказки под названием «Язык цветов» или «Что говорят цветы» [Chambet, 1844; Faucon, 1860; La Tour, 1858; Legendre,



1891; Spinelli, 1864]; цветочные стихи из этих сборников тоже использовали в тайной переписке;

— сборники мифов и легенд о цветах (к примеру, в XIX веке знаменитой была книга Н. Ф. Золотницкого «Цветы в легендах и преданиях» [Золотницкий, 2005]).

Указанные книги составляют огромный пласт литературы, который был до последнего времени практически забыт. В. Диффенбах явно связывает этот язык и его утрату с вопросом реляционности, контактов и взаимопонимания между людьми, с общим ухудшением состояния сферы общения между людьми к началу XXI века. То есть она хочет сказать, что люди забыли язык чувств, язык эмпатии, язык любви. И если в XIX веке язык цветов был необходим для тайного, скрытого общения, чтобы сдерживать избыток чувств, то в наше время в нем есть явная необходимость для поиска утраченных чувств. Это язык для тех, кто хочет общаться с другим.

Самое главное — это традиция, уходящая в глубь веков. Это само Время. Сборники сонетов, мадригалов и словарей цветов стали популярными в XVIII—XIX веках после публикации в 1727 году двухтомника «Путешествие ... по Европе, Азии и Африке» [Mottraye, 1727] Обри де ля Моттре, который описал свое пребывание при дворе шведского короля Карла XII в Турции, а также книги леди Мэри Уортли Монтегю, жены английского посла в Стамбуле, «Письма Леди Мери Уортли Монтегю, написанные во время путешествия по Европе, Азии и Африке» («Letters of Lady Mary Wortley Montagu, written during her travels in Europe, Asia and Africa», 1763 [Montagu, 1763]), где описан тайный язык любовной переписки «селама», в том числе в гаремах (этот вопрос в отечественной науке подробно изучают К. И. Шарафадина и М. Р. Ненарокова [Шарафадина, 2018; Ненарокова, 2010]).

В XIX веке среди таких книг одна из первых и самых знаменитых вышла в Германии под названием «Язык цветов, или Значения» («Die Blumensprache, oder Bedeutung», Berlin, 1823) [Die Blumensprache ..., 1823], составленная по мотивам переводов с персидского австрийским историком и востоковедом Й. фон Гаммер-Пургшталем (Joseph Freiherr von Hammer-Purgstall, 1774—1856) поэзии Хафиза, Саади, Джами. В России эта небольшая книга (32 страницы) была переведена и прокомментирована Д. П. Ознобишиным и озаглавлена «Селама, или Язык цветов» (1830) [Ознобишин, 1830]. Подобные книги выходили в XIX веке в Лондоне, Париже, Вене, Санкт-Петербурге, Барселоне, Бостоне, Нью-Йорке, Филадельфии, Балтиморе. Исторически они уходят в греческую поэзию — в знаменитый «Венок» эпиграмм Мелеагра Гадарского.

«Язык цветов» имел популярность в Европе и в средние века, и в эпоху Ренессанса. Примером его использования является описание В. Шекспи-



ром «букета Офелии» в «Гамлете». Важно отметить, что Элизабет учит Викторину языку цветов именно по букету Офелии, например, она говорит: «А вот розмарин — память. Я цитирую Шекспира ... Водосбор — уныние, падуб — предвидение, лаванда — недоверие ...» [Диффенбах, 2019, с. 70].

Традиция селамы влияла в XIX веке не только на литературу, но прежде всего на общение людей, на коммуникацию. Букеты, посылаемые тайным возлюбленным, представляли собой средство тайной почты, шифровки. Ее использовали не только для любовной переписки, но с любыми тайными целями [Гольский, 2010]. Кроме того, большой популярностью пользовалась игра, которой увлекались в обществе, — это «флирт цветов». На светских раутах, на званых вечерах, балах и т. д. с целью развлечься доставали коробочки с карточками, на одной стороне которых был изображен цветок с названием, на другой писалось значение, а иногда значения перечислялись на специальных больших картах, которые прилагались к игре. Порой молодые люди использовали эту игру в целях объяснения в любви или, наоборот, чтобы отвергнуть кого-нибудь. Подобная традиция существовала вплоть до середины XX века. Об этом подробно рассказывает и приводит примеры из литературы XX века доктор культурологии Сергей Борисов [Борисов, 2019]. Вот небольшой отрывок из романа 1969 года Г. Остапенко «Я выбираю путь»: « — Сыграем во “флирт цветов”, господа? — предлагает Лялька, кокетливо взглядывая на Сережу, и раздает всем карточки. Сейчас же чья-то рука протягивает мне карту. Я поднимаю глаза. Рука принадлежит одному из юношей ... Гелиотроп! — произносит он значительно и смотрит на меня ... Ищу на карточке “гелиотроп” и читаю: “Вы мне нравитесь” ... Я чувствую, что краснею, и беспомощно ерзаю на диване. Пошли ему вот это: “сирень”, — сквозь зубы говорит Сережа и подсовывает мне свою карточку. Где это “сирень”? Ах, вот: “А вы мне совсем не нравитесь” ...» [Остапенко, 1969, с. 254—256].

В. Диффенбах как раз намекает на такую игру, когда Виктория и Грант обмениваются живыми цветами, понимая их тайный смысл, а Рената, в присутствии которой это происходит, не может понять, о чем они друг другу говорят. Омела в их языке обозначает романтическое чувство. Лилия — объяснение в симпатии. Тополь белый, как отмечено выше, означает Время. Это очень важно для них. Их связывает время. Он человек из ее прошлого, которое она совсем забыла.

Кроме того, существовала и другая цветочная игра в XIX веке. Это игра на лепестках ромашки. Она называлась «любит — не любит», если использовалась как гадание. Но были и другие версии этой игры. Имитировали лепестки из бумаги, на них писали разные фразы или предсказания. Участвующие в игре тянули свои лепестки и читали предсказание.

3.6. Цветочный каталог для создания «букетов волшебства»

Виктория как раз создает целый каталог подобных карточек. На каждой из них изображён цветок, сфотографированный Викторией, а на обратной стороне размещено его значение (расшифровку можно понять, обратившись к «Словарю Виктории» в конце книги). Клиенты выбирают по этим карточкам цветы для букетов чувств. Вроде бы каталог цветов-чувств напоминает карточки флирта цветов, но они все же отличаются от игры коренным образом. Если во флирте цветов речь шла о тайном языке чувств, то здесь подразумевается составление из этих «эмоциональных семантик» букетов, способных сотворить чудо: наладить эмоциональный контакт между людьми, помочь людям общаться друг с другом, любить друг друга. Это похоже именно на предсказание счастья. Своими «волшебными букетами» Виктория способствует улучшению взаимоотношений между людьми. Происходит такой чудесный обмен: от личного (ее — Виктории) — к общему (к каждому клиенту).

Кроме того, картотека с фотографиями цветов, которые изготавливает Виктория, создана для того, чтобы перевоплощаться в живые цветы, в живые букеты. Это своего рода «новоискренный» переход от искусственного — к настоящему, реальному, попытка противопоставить живую природу искусственной. Только живые цветы способны воссоединить людей, подарить им чувства, снова объединить их, ведь это невероятно сложно, учитывая, что практически все люди нашего времени психологически травмированы, зачастую неконтактны, недоверчивы. Им сложно преодолевать «внутренние клетки солипсизма» (термин Николин Тиммер из очерка «Радикальная беззащитность... Солипсизм» [Аккер и др., 2019, с. 261—271]). Однако, возможно, действительно такие удивительные феномены красоты природы, как цветы с их бесконечным разнообразием тех или иных свойств, способны сделать людей хоть немного счастливее. Это подтверждается в романе В. Диффенбах следующими словами Ренаты (речь идет о человеке, которому помог букет Виктории): «Эрл — старый чужак. На вид сердитый, но если присмотреться — добряк добряком. А вчера вот заявил, что за его век можно было в Боге разувериться, но потом образумиться и понять, что Он все-таки есть. — И что это значит? (спрашивает Виктория). — Кажется, он думает, что ты советовалась со Всевышним, прежде чем выбрать для него цветы» [Диффенбах, 2019, с. 53].

4. Заключение = Conclusions

Итак, роман Ванессы Диффенбах заставляет вспомнить о целом комплексе традиций XIX века, связанных с «языком цветов» и «флиртом цветов». Реконструируя эти традиции в своем произведении, автор позволяет читателю окунуться в бескрайнюю глубину самых разных смыслов и значе-



ний, как произведения в целом, так и его отдельных образов. Произведение В. Диффенбах вписывается в рамки литературы «новой искренности» за счет

- особого эмоционального (искреннего) наполнения текста;
- стремления найти новые и одновременно старые, давно забытые средства общения людей друг с другом;
- обращения к христианским ценностям;
- реконструкции старой традиции «языка цветов», способствующей живому человеческому общению.

Кроме того, в подходе В. Диффенбах к исполнению текста, к выбору основной темы произведения обнаруживается та самая «сентиментальность и доверчивость», о которой писал Д. Ф. Уоллес, характеризуя «новых анти-бунтарей» или «новых искренних».

Источники

1. *Диффенбах В.* Язык цветов / В. Диффенбах ; пер. с англ. Ю. Змеевой. — Москва : РИПОЛ классик, 2019. — 319 с. — ISBN 978-5-386-05592-9.
2. *Остапенко Г. Г.* Я выбираю путь : повесть о труд. Юности : [для сред. Возраста / Г. Г. Остапенко ; ил. Ю. Лобачева]. — Москва : Детская литература, 1969. — 206 с.
3. *Шекспир В.* Трагедии. Сонеты / В. Шекспир. — Москва : Художественная литература, 1968. — 792 с.
4. *Эко У.* Заметки на полях «Имени розы» / У. Эко. — Санкт-Петербург : «Симпозиум», 2007. — 92 с. — ISBN 5-89091-209-7.
5. *Diffenbaugh V.* The Language of Flowers / V. Diffenbaugh. — New York : Ballantine Books, 2011. — 334 p.

Литература

1. *Аккер ван ден Р.* Метамоде́рнизм. Историчность, аффект и глубина после пост-модернизма / Р. Аккер ван ден, Т. Вермюлен, Э. Гиббонс ; Перевод В. М. Липки. — Москва : Рипол-Классик, 2019. — 494 с. — ISBN 978-5-386-13462-4.
2. *Борисов С.* Давайте флиртовать, товарищи! / С. Борисов // Российская газета, Родина. — 01 мая 2019. — № 5.
3. *Гольский И. А.* Символика флоры : сущность и формы переживания : диссертация ... кандидата философских наук : 09.00.13 / И. А. Гольский. — Омск, 2010. — 162 с.
4. *Золотницкий Н. Ф.* Цветы в легендах и преданиях / Н. Ф. Золотницкий. — Москва : Дрофа-Плюс, 2005. — 320 с. — ISBN 5-9555-0794-9.
5. *Ненарокова М. Р.* «Селам» Д. П. Ознобишина : культурный диалог Европы и Востока / М. Р. Ненарокова // Культурологический журнал. — 2013. — № 4.
6. *Ознобишин Д. П.* Селам, или Язык цветов / Д. П. Ознобишин. — Санкт-Петербург : Деп. нар. просвещения, 1830. — 32 с.
7. *Павлов А.* Образы современности в XXI веке : метамоде́рнизм / А. Павлов // Философско-литературный журнал «Логос». — 2018. — Т. 28. — С. 1—19.
8. *Тернер Л.* Манифест метамоде́рнизма [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://metamodernizm.ru/manifesto> (дата обращения 05.11.2021).
9. *Шарафадина К. И.* Селам, откройся! Флоропозитика в образном языке русской и зарубежной литературы / К. И. Шарафадина. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2018. — 544 с. — ISBN 978-5-4469-1451-7.



10. *Chambet C. J.* Emblème des fleurs, ou Parterre de flore / C. J. Chambet. — Philadelphia : L. Masson, 1844. — 188 p.
11. *Die* Blumensprache, oder Bedeutung der Blumen nach orientalischer Art. — Berlin : Achte vehrmerte Auflage, 1823. — 32 p.
12. *Dumont H.* The language of flowers. The floral offering : a token of affection and esteem ; comprising the language and poetry of flowers. — Philadelphia : H. C. Peck & T. Bliss, 1851. — 300 p.
13. *Dumitrescu A.* What is Metamodernism and Why Bother? Meditations on Metamodernism as a Period Term and as a Mode [Electronic resource] / A. Dumitrescu // Electronic Book Review, 2016. December 4. — Access mode : <http://electronicbookreview.com/essay/what-is-metamodernism-and-why-bother-meditations-on-metamodernism-as-a-period-term-and-as-a-mode/> (accessed 04.11.2022).
14. *Faucon E.* Le langage des fleurs / E. Faucon. — Paris : E. Guérin, 1860. — 136 p.
15. *La Tour.* Le langage des fleurs / La Tour, Ch. De. — Paris : Garnier Frères, 1858. — Vii- 308 p.
16. *Legendre L.* Ce que disent les fleurs. Préface de Ludovic Halévy. Aquarelles de Firmin Bouisset / L. Legendre. — Paris : L. Baschet, 1891. — 96 p.
17. *Mottraye A. de la.* Voyages en Europe, Asie et Afrique& Afrique : avec figures. 3 volumes / De La A. Mottraye. — La Haye : Johnson, 1727.
18. *Montagu M. W.* Lady Letters of the Right Honourable Lady M-y W-y M-e : Written during her Travels in Europe, Asia and Africa, to Persons of Distinction, Men of Letters, etc., in different parts of Europe / M. W. Montagu. — London : Printed for M. Cooper, 1763. — 296 p.
19. *Smith Z.* This is how it feels to me / Z. Smith // The Guardian. Retrieved. 2007-03-21.
20. *Spinelli A.* Ce que disent les fleurs ; sonnets / A. Spinelli. — Paris : E. Dentu, éditeur, 1864. — 319 p.
21. *Wallace D. F.* E Unibus Pluram : Television and U.S. Fiction / D. F. Wallace // Review of Contemporary Fiction. — № 13 (2). — 1993. — Pp. 151—194.
22. *Wood J.* Hysterical realism [Electronic resource] / J. Wood // Prospect Magazine. 20 November 2000. — Access mode : <https://www.prospectmagazine.co.uk/magazine/hystericalrealism> (accessed 09.01.2022).

Статья поступила в редакцию 14.12.2022;
одобрена после рецензирования 12.02.2023;
подготовлена к публикации 15.03.2023.

Material resources

- Dieffenbach, V. (2019). *The language of flowers*. Moscow: RIPOL classic. 319 p. ISBN 978-5-386-05592-9. (In Russ.).
- Diffenbaugh, V. (2011). *The Language of Flowers*. New York: Ballantine Books. 334 p.
- Eco, U. (2007). *Notes on the margins of "The Name of the rose"*. St. Petersburg: "Symposium". 92 p. ISBN 5-89091-209-7. (In Russ.).
- Ostapenko, G. G. (1969). *I choose the path: a tale of labor: Youth*. Moscow: Det. lit. 206 p. (In Russ.).
- Shakespeare, V. (1968). *Tragedies. Sonnets*. Moscow: Fiction. 792 p. (In Russ.).

References

- Acker van den, R., Vermeulen, T., Gibbons, E. (2019). *Metamodernism. Historicity, affect and depth after postmodernism*. Moscow: Ripol-Classice. 494 p. ISBN 978-5-386-13462-4. (In Russ.).



- Borisov, S. (2019). Let's flirt, comrades! *Rossiyskaya gazeta, Rodina*, 5. May 01. (In Russ.).
- Chambet, C. J. (1844). *Emblème des fleurs, ou Parterre de flore*. Philadelphia: L. Masson. 188 p. (In Franc.).
- Die Blumensprache, oder Bedeutung der Blumen nach orientalischer Art*. (1823). Berlin: Achte vehrmete Auflage. 32 p. (In Germ.).
- Dumitrescu, A. (2016). What is Metamodernism and Why Bother? Meditations on Metamodernism as a Period Term and as a Mode. *Electronic Book Review*. December 4. Available at: <http://electronicbookreview.com/essay/what-is-metamodernism-and-why-bother-meditations-on-metamodernism-as-a-period-term-and-as-a-mode/> (accessed 04.11.2022).
- Dumont, H. (1851). *The language of flowers. The floral offering: a token of affection and esteem; comprising the language and poetry of flowers*. Philadelphia: H. C. Peck & T. Bliss. 300 p.
- Faucon, E. (1860). *Le langage des fleurs*. Paris: E. Guérin. 136 p. (In Franc.).
- Golsky, I. A. (2010). *Symbolism of flora: the essence and forms of experience*. PhD Diss. Omsk. 162 p. (In Russ.).
- La Tour., Ch. De. (1858). *Le langage des fleurs*. Paris: Garnier Frères. Vii- 308 p. (In Franc.).
- Legendre, L. (1891). *Ce que disent les fleurs. Préface de Ludovic Halévy. Aquarelles de Firmin Bouisset*. Paris: L. Baschet. 96 p. (In Franc.).
- Montagu, M. W. (1763). *Lady Letters of the Right Honourable Lady M-y W-y M-e: Written during her Travels in Europe, Asia and Africa, to Persons of Distinction, Men of Letters, etc., in différent parts of Europe*. London: Printed for M. Cooper. 296 p.
- Mottraye, A. de la. (1727). *Voyages en Europe, Asie et Afrique & Afrique: avec figures*. 3 volumes. La Haye: Johnson. (In Franc.).
- Nenarokova, M. R. (2013). “Selam” D. P. Oznobishina: cultural dialogue of Europe and the East. *Culturological Journal*, 4. (In Russ.).
- Oznobishin, D. P. (1830). *Selam, or the Language of flowers*. St. Petersburg: Dept. nar. Enlightenment. 32 p. (In Russ.).
- Pavlov, A. (2018). Images of modernity in the XXI century: metamodernism. *Philosophical and literary magazine “Logos”*, 28: 1—19. (In Russ.).
- Sharafadina, K. I. (2018). *Selam, open up! Floropoetics in the figurative language of Russian and foreign literature*. Saint Petersburg: Nestor-History. 544 p. ISBN 978-5-4469-1451-7. (In Russ.).
- Smith, Z. (2007). This is how it feels to me. *The Guardian*. Retrieved. 03-21.
- Spinelli, A. (1864). *Ce que disent les fleurs; sonnets*. Paris: E. Dentu, éditeur. 319 p. (In Franc.).
- Turner, L. *Manifesto of Metamodernism*. Available at: <https://metamodernizm.ru/manifesto> (accessed 05.11.2021). (In Russ.).
- Wallace, D. F. (1993). E Unibus Pluram: Television and U.S. Fiction. In: *Review of Contemporary Fiction*, 13 (2): 151—194.
- Wood, J. (2000). Hysterical realism. *Prospect Magazine*. 20 November. Available at: <https://www.prospectmagazine.co.uk/magazine/hystericalrealism> (accessed 09.01.2022).
- Zolotnitsky, N. F. (2005). *Flowers in legends and legends*. Moscow: Bustard-Plus. 320 p. ISBN 5-9555-0794-9. (In Russ.).

*The article was submitted 14.12.2022;
approved after reviewing 12.02.2023;
accepted for publication 15.03.2023.*